

Автор: Сереброва Екатерина (1991 г.р., психолог, магистр филологии). E-mail: koshka-20052@yandex.ru, 8-950-083-23-01. г. Усолье-Сибирское

В поисках мира

Первая глава. Община.

Он, затаив дыхание, смотрел через кусты на озеро с утками. Целый выводок барахтался в воде, какая удача! Охотник подавил в себе чувство голода, сглотив предательскую слюну. С каждым разом это удавалось делать все лучше, что позволяло порой не есть больше двух суток, обходиться самым малым запасом - крайне полезный навык для смутной эпохи. Он натянул тетиву самодельного лука, вставил стрелу, также выполненную своими руками, занял правильную позу, закрыл правый глаз вместо прицела. Одна утка отделилась от остальных, поплыла ближе к берегу – и вот, она уже цель охотника. Прикусив язык, усмирив скачущий пульс усилием воли, он наметил ориентир и отпустил стрелу в полет.

Одновременно с этим вдруг раздался страшный звук выстрела. Охотник тут же упал наземь, прикрывая руками голову и сжимая в одной из них следующую стрелу. Он давно не слышал громких звуков, но шум дробовика ни с чем не перепутать. Стрелок забыл об утке, голоде, подбирающейся стуже – обо всем, кроме инстинкта самосохранения. Вроде и жизнью не за что дорожить, а все равно цепляешься, боишься ее потерять, готов сражаться и спасаться вопреки здравому смыслу, иногда и собственным желаниям. Охотник не знал почему, но выжить страстно хотел.

Дрожа всем телом, он не боялся быть обнаруженным. Он боялся, что звук дробовика, эхом пронесшийся по лесу, повторится ближе, спугнет уток.

Кто-то в наглую вторгся в его пространство, постучав по шляпе, которую стрелок носил в любое время года и практически не снимал, настолько свыкнувшись с ней. Поэтому охотник сильно обиделся, что кто-то столь вопиюще бестактно потревожил его самого и его шляпу. Он медленно опустил руки, панически сцепленные с головным убором, и исподлобья поднял взгляд. Над ним склонился внушительных размеров владелец дробовика, что он лениво держал в левой руке, а в правой у него была убитая утка с торчащей из шеи стрелой. «Ну хоть попал», - малодушно подумалось стрелку.

- Кто такой? – грубым, властным голосом осведомился оруженосец. – Твое? – и помахал дичью у охотника перед лицом, задевая перьями нос.

- Мое, - сознался он, морщась.

Утку отодвинули, видимо, опасаясь, что чужак вырвет дичь из пальцев и съест на месте, оставив их ни с чем. И правильно боялись. После чего охотник подсчитал: столпились вокруг него человек десять-двадцать. В грязных

практичных одеждах, каждый – при каком-либо оружии - огнестрельным и холодным.

- Тимур, давай его в лагерь? – предложил один из них; он выглядел моложе других. – Вон как метко стреляет, пригодится?

Черноокий плечистый Тимур почесал спутанную черную бороду, доходящую ему до груди.

- Ну, не скажешь, кто ты? – строго спросил он.

У стрелка от страха словно камень в глотке застрял. Голос осип из-за долгих дней молчания, и он не смог нормально выговорить свое имя. Очень не хотелось ни в какой очередной лагерь, кочевая жизнь путника-одиночки была ему по душе больше. Безопаснее и надежнее.

- Ладно, пусть Марат разбирается, - бросил Тимур. – Сгодится он на кой, иль нет.

Он махнул рукой, и двое таких же крепких «дружинников» подняли охотника под руки и поволокли за собой. Лучник успел забрать лишь стрелы в мешке, да лук зажать в пальцах, а ногами только и перебирал, пока его тащили.

Когда они вышли из густого леса к деревне, он соизволил идти сам. Вопреки опасениям стрелок был приятно удивлен и поражен тем, что увидел. Этот лагерь производил впечатление цивилизованного куда больше, чем все встреченные им ранее. Здесь сохранилось несколько деревянных изб, серых, местами обгорелых или заплесневелых, но пригодных для проживания с учетом того, что в них имелись печные трубы, из которых валил пар. Однако, что было не менее интересно, большинство построек напоминало степные юрты. Вдали виднелась церквушка, что было уж совсем из области фантастики. Ни о каких религиях давно и речи не шло, Катастрофа выжгла все, что могло принести людям спасение, и те позабыли о надежде и вере.

Но тут это могло быть иначе. Дома и юрты располагались по типу улиц, а у некоторых из них были номера. О бедствии напоминали только полуразрушенные кирпичные здания без крыш, отсутствие, как и везде, всяких электропроводов. Была также площадка с выжженной травой, вокруг которой находились импровизированные места для сидения, выложенные из грубо вытесанных досок - это центральное место сбора, огороженное камнями. Путник сразу понял предназначение такой площадки, поскольку встречал нечто подобное в других селениях. В этом лагере, помимо церкви, нашлось еще одно нововведение: неподалеку от площадки-кострища был длинный стол под навесом. Видимо, иногда эти жители собирались и за ним.

Охотника-стрелка оставили тут, у центральной площадки, под охраной двоих громил, а все остальные солдаты-дружинники разошлись. Главный по имени Тимур устремился в одну из юрт. Незадачливый лучник только сейчас заметил, что на него со всех сторон уставились люди, высунувшиеся из своих жилищ. В простых одеждах они не напоминали тех солдат, что сопровождали

одинокого охотника. В глазах их проявился страх, вместе с ним и любопытство, враждебности не было. Несомненно, появление чужака вызывало неподдельный интерес. Сам лучник не боялся, он безропотно ждал, что же ему предложат. Тут были дети – а это первый признак возрождения. Впрочем, торопиться расслабляться не стоило. Пока было ясно лишь то, что они восприняли его невинное передвижение как попытку вторжения.

Из юрты под номером один вышел высокий, подтянутый мужчина. Он разительно отличался ото всех опрятным видом, аккуратной бородой, чистой одеждой. Более того, на нем были меховая жилетка, сапоги-бурки, ярко сверкал золотой перстень на пальце - по всем признакам он был из элиты не по меркам текущего уровня жизни. Впору было изумляться, как ему это удалось. По одному лишь взгляду на своих подопечных и тишине стало понятно: власть его тут беспрекословна.

- Кто таков, откуда? – спросил он четко поставленным голосом, отменной дикцией.

- Меня зовут Григорий Шункарь, - отмер, наконец, лучник. – Иду на Восток.

- Ну Гриша, а я – Марат Аловеров, все называют меня отцом или покровителем, - выказал благодушие «покровитель», которое, без сомнений, было иллюзорным, судя по натянутой улыбке и зорким глазам, что таили недоброе. – Ты попал в мою общину. У нас действует ряд правил, одно из которых состоит в том, что чужаков из неведомых земель без проверок не допускать, - усмехнулся он и невзначай так обернулся на Тимура, что стоял позади. Тот угодливо выдал смешок, а за ним и другие присутствующие повторили то же. Григорий был уверен: без Марата люди здесь и не зевали. Оттого и такой внешний порядок, ощущение цивилизации.

- Хорошее правило, - Гриша и в самом деле так считал: для построения нового мира нужны правила, упорядоченность.

- Вот и расскажи мне, Григорий, где научился стрелять из лука, а главное, кто его изготовил?

- Я.

- Ты, - кивнул сам себе Марат. – Знаешь, Гриша, нам с тобой стоит уединиться.

Он хитро улыбнулся и подмигнул, кладя руку Григорию на плечо и завлекая за собой в юрту. Аловеров попутно прошептал что-то Тимуру, после чего они с Гришей остались наедине внутри маленького жилища, сравнимого с хорошей палаткой по размерам, но намного надежнее и теплее по своим свойствам. Внутри имелась двуспальная кровать, письменный стол и два стула. Пол деревянный с характерным скрипом, прикрытый ковром, крыша куполообразная с отверстием вверху. Из чего она сделана, и из чего состоят стены – Григорий определить сразу не смог, имел догадки. Что главное, в юрте было необычайно тепло за счет находящегося по центру очага,

огороженного камнями. Сейчас он не горел, но холоднее не становилось. Из всего, что Гриша видел, это – лучшее жилище.

Аловеров разулся, снял жилетку. Оставшись в носках, он выглядел не менее значительно. Григорий тоже снял старые протоптанные ботинки, на секунду выпустив вещмешок и лук, неловко пристроил свою обувь подальше от бурок Марата, потом прижал свое имущество назад к груди. Аловеров уже устроился за столом и ожидал, когда и он займет второй стул.

- Нервничаешь? – поинтересовался Марат. Зрачки его были черны, как и у Тимура, но, в отличие от него, бездонные и устрашающие, завлекающие в самую пропасть. От таких неосознанно держишься подальше.

- Я в смятении, - поправил Григорий. Стало душно, и он чуть расстегнул свой выдавший лучшие годы пуховик, присаживаясь на стул. В руках остался мешок, а лук уместился между колен.

- А должен нервничать, - сузил глаза Марат, поставив локти на стол и сложив ладони вместе. – Значит так, у тебя всего два варианта: уверить меня, что ты нужен общине, или расстаться с жизнью, - вот так разом он развеял последние сомнения в своих намерениях.

- Почему я не могу уйти?

- Потому что я не могу позволить тебе забирать нашу дичь в лесу, - недобро сверкнул он глазами.

- Я не останусь в вашем лесу, я странник, - заверил Григорий, поправляя шляпу.

- Мы с тобой сейчас разговариваем лишь потому, что ты произвел впечатление на моих парней, - наклонился вперед Аловеров.

- То есть у меня нет выбора, - пронял Гриша.

- Нет, - кивнул Марат, откидываясь на спинку и заводя руки за голову. – Так кто ты, Гриша?

Григорий вздохнул. Давненько ему не приходилось рассказывать о себе. Никого это не волновало. А здесь вдруг понадобилось.

- В прошлом я был плотником и мастером спорта по стрельбе из лука. А сейчас я странник, который лишь хочет построить новую жизнь. В мире и порядке.

- Считай, что ты нашел место, где тебе в этом помогут, - любезно включился Марат, мигмом преобразившись обратно в гостеприимного хозяина. – В моем лагере нет хаоса, войны и все живут в согласии, как единый организм. Мы стремимся восстановить былые блага, сделать их совершеннее. У каждого жителя свои обязанности и своя роль, поэтому никаких споров, склок. А всё потому, что у них строгий, но справедливый лидер, отец, - нескромно заметил он с улыбкой превосходства. - Что плохо, среди нас нет хороших плотников. Несмотря на твои явные успехи в стрельбе, я бы предложил тебе заняться ремонтом. Охотников и безголовых опричников и без того слишком много. А ведь в деревне не хватает стульев, есть проблемки

со старыми избами, их срочно надо бы залатать. Решайся и будешь получать паек, дам жилье.

Аловеров по-отечески заботливо называл те задачи, которые требовалось решить для его людей. Григорий смотрел на него внимательно, но не вслушиваясь, а пытаясь понять, в чем тут подвох и выгода самого Марата. Он уже не смущался и не боялся лидера общины, несмотря на его угрозы пару минут назад. Отношение к нему переменилось на ироничное и даже немного жалостливое. Амбициозный глава, который с нуля организовал свою общину, искренне верил, что без него они не выживут, на нем одном все держится. Гриша встречал таких невежественных людей прежде, в той жизни, и его поражало, что законы ушедшего мира повторялись вновь. Правда, пока он не заметил существенных недостатков в самой деревне. Если где и остановиться, то здесь, в выстроенной системе, отголоски которой он, казалось, никогда больше не увидит. Пожалуй, плотничать – не так и плохо. Григорий и не помнил, когда в последний раз держал инструменты, а его мастерство требовало постоянной практики. К тому же, скоро зима, и переживать холода в помещении гораздо надежнее, нежели в шалаше. Да и шанс вернуться в какое-никакое общество неплохой, стоило попробовать. Авось народ справился и преодолел последствия Катастрофы? Быть может, в этой общине есть хорошие, разумные люди, которых так не хватало?

- И вы примете меня в общину? – обдумывая, спросил Гриша.

- Сперва ты ознакомишься с правилами и обязуешься их соблюдать. Потом поработаешь немного. И только после этого пройдешь посвящение.

- Посвящение? – Григорий-то решил, что весь фокус в том, чтобы убедить его остаться, а тут еще и условия есть, которые, впрочем, интриговали. Он сминал в руках вещмешок.

- Мой механизм потому и работает отлаженно, без сбоев, - трижды сплюнул Марат через плечо, - что лишних деталей в нем нет. Когда община создавалась, все проходили инициацию. Надеюсь, ты справишься, иначе я зря потратил на тебя столько времени.

В его взгляде и приторной улыбке так и читался подтекст «только попробуй не справиться». У Григория передернуло плечи. Сюрприз за сюрпризом.

- Что включает в себя посвящение?

- О, все детали после. Ты должен освоиться, привыкнуть. Полностью овладеть правилами, - подчеркнул Марат и припечатал листком бумаги, который он с хлопком выложил из ящика на поверхность стола и пододвинул к Григорию.

Гриша подслеповато прищурился, вглядываясь в буквы. Вблизи он видел гораздо хуже, чем на дальние расстояния. В самом верху большими буквами было озаглавлено:

«ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ В ОБЩИНЕ ОТЦА МАРАТА»

И далее следовало десять правил, по стилю и тематике до жути напоминающие Григорию библейские заповеди Моисея:

«1. Я отец, благодетель твой, спасший тебя от голодной смерти. И нет в общине больше никого, кого ты не можешь послушаться, кроме меня.

2. Равняйся поступками на покровителя своего.

3. Трудись во благо общине, не забывай о своих обязанностях. Заботься о ближнем.

4. При обнаружении чужака заяви старшему опричнику или сам задержи его во избежание неприятностей от него.

5. Не убей*.

6. Не укради.

7. Даже находясь за пределами общины, поступай на благо ей.

8. Не будь многоженцем, если не в состоянии обеспечить наложниц всем необходимым.

9. Не желай жены ближнего, дома ближнего – не завидуй лучшей доле, сам стремись к большему.

10. Не нарушай правил и не будешь изгнан.

* спорные вопросы обсуди с отцом твоим, Маратом».

- Ну как, проблем на первом этапе не будет? – с усмешкой спросил Аловеров, словно того и ожидая, что Гриша воспротивится и взбунтует, тем самым, сразу навсегда вылетев из лагеря. Злонамерение Марата казалось нелогичным, но оно точно имело место быть. А схожесть его правил с библейским источником бросала Григория в дрожь.

- Я обычно чту законы, - ответил Гриша уклончиво.

- Это, конечно, не законы, а всего лишь свод правил, - поправил Марат с ложной мягкостью в голосе, - но твой настрой правильный. Скоро мы общими усилиями возведем государство – первое в новом мире, и кто знает, быть может, они станут первоосновой миропорядка, - глаза Аловерова заблестели, в тоне появилось благоговение. Невзначай он и раскрыл свою цель или, во всяком случае, заветную мечту.

- Да, никому неизвестно, что нас ждет впереди, - снова отвлеченно, осторожно кивнул Григорий.

- Что ж, беседа получилась продуктивной, - покивал Аловеров, подымаясь.

Гриша чуть не выронил свои пожитки, заторопившись встать следом. Он рефлексивно подумал, что сейчас ему пожмут ладонь, а у него заняты руки. Однако подобного жеста не последовало. Марат оправил одежду, надел жилетку, поторопился с обувью. Григорий едва успевал справляться столь же быстро, стараясь не выпускать своих вещей. Горький опыт не позволял расслабляться.

- Григорий, это мой самый верный опричник - Тимур, знакомый еще по прошлой жизни, - бодрым тоном известил его Марат, выходя наружу и указывая налево.

Верный Тимур от входа далеко не уходил и подвернулся вовремя. Он учтиво склонил голову при словах Марата. Выглядели они даже, пожалуй, не просто давними знакомыми, но и сверстниками, и земляками. Чертами лица и по иным внешним признакам оба напоминали восточную нацию, скорее всего, татар. Нынче все так перемешалось, что определить наверняка, существуют ли вообще еще различия между этническими группами, было трудно.

- Он и покажет тебе округу, - добавил Аловеров к неудовольствию Тимура, заметно сникшему. – А также подыщет юрту нашему новому плотнику, - акцентировал он уже специально для своего опричника. – Тима, после обустройства гостя, позови мне Еву. Сегодня всех ждет праздничный ужин, - объявил Марат громче для тех, кто невольно подсматривал или подслушивал за своим покровителем.

Отдав распоряжение, Марат подозвал зрелого, чуть ли не пожилого на вид опричника, уйдя с ним в сторону. Тимур был оскорблен и с сильной раздраженностью принялся исполнять приказ, вынужденно, нехотя уводя Григория в противоположную от лидера сторону.

Раздающийся в плечах крепыш нарочито вел его за собой, перекрывая весь обзор. Едва Гриша вознамеривался поравняться с ним, как Тимур нехитрым способом преграждал ему лазейку. Проселочная дорожка редко петляла, местами промерзающая, с редкими вкраплениями пожелтевшей травы и с полным отсутствием листьев, так как то малое число деревьев, что сохранились, давно сбросило листву, едва ли успев процвести. Деревня не была большой – с невысокого склона у леса виднелся противоположный ее край довольно отчетливо. Так что и до нужной юрты они добирались не более пятнадцати минут. Приоткрыв полотно, служившее тут входом, Тимур заглянул внутрь.

- Павлов? Выходи, давай, освобождай юрту.

Так ненароком выяснилось, что Гриша претендовал на чье-то жилье. Он не сразу осознал, надеясь, что ему просто достанется сосед.

- Что? Почему? – высунулся перепуганный сухопарый мужчина в очках, крепко водруженных на нос, держащихся за счет шнурков, обмотанных вокруг ушей, из-за чего те были загнуты книзу. Одет он был в старый, заштопанный рабочий синий комбинезон, на ногах ботинки разных размеров. Нелепость и неряшливость не отталкивали. А вот пугливость, истинный ужас, отразившийся на его вытянутом лице, - другое дело.

- Иди в церковь, там все твои. Давно пора, - равнодушно бросил Тимур, выволакивая бедолагу на улицу.

- Но почему? – взмолился несчастный Павлов вдвойне. – Я ведь небесполезен!

- Ты? – зло расхохотался Тимур, насмешливо глядя Павлову в глаза. – Ну все, хватит выеживаться, отдельная юрта не для тебя.

- Тимур, мы с ним могли бы жить вдвоем, по-соседски, - миролюбиво предложил Григорий. На миг у Павлова загорелись глаза. Такие чистые, голубые глаза.

- Не вам тут распоряжаться, - не повышая тона, но довольно жестко отчеканил Тимур. – А ты, Павлов, вконец распоясался, - он схватил худощавого мужчину за шкирку, и тот мгновенно съежился, напоминая воробышка с выбивающимся хохолком. Григорий до того обомлел, что потерял дар речи и способность к действию.

- Нет-нет, я уйду! – вскрикнул он, зажмурившись. – Пожалуйста, отпустите! – совсем уже пропищал Павлов.

- То-то же, - довольно сказал Тимур, расцепляя пальцы.

- Позвольте вещи забрать, - тихо попросил униженный.

- Неужто скопил что? – подозрительно сощурился грозный опричник. Павлов снова сгорбился, прикрыв один глаз. Тимур усмехнулся. – Да забирай уже, не задерживай.

Павлов вернулся в юрту. Гриша пребывал в глубоком потрясении. Он не понимал, куда отправляют безобидного человека в этой якобы полной доброты общине, молился лишь, что прямиком не на тот свет. У него появилось острое желание посетить церковь и загладить вину перед Павловым, а может, разрешить нелепое недоразумение и вернуть бедолагу в его дом. Делить с этим кротким человеком крышу для Григория не было зазорно или боязно.

- Чего уставился? – вдруг рыкнул на него Тимур. И в самом деле, Гриша не заметил, как безотрывно пялился на бессердечного опричника. – Назвался плотником – отвечай.

- А Павлов кто?.. – невольно вырвалось у него.

- Долгое время притворялся инженером, - хмыкнул Тимур. – Да так ничего и не сделал.

- Я предлагал вернуть электричество, - выбираясь на улицу, пробурчал Павлов, неожиданно более уверенный и смелый, чем до этого. За пазухой у него поместились его пожитки, свернутые в покрывало.

- Только и делал, что молол языком. Профессор, - в открытую издевался Тимур, фыркая и выпроваживая Павлова легким ударом по шее. Григорию, небрежно: – Ну, а ты вселяйся. Особо не высывайся до ужина, веди себя тихо.

- Тимур, а почему «опричник»? Не солдат.

- Слово красивое. Откуда мне знать? – огрызнулся тот. - Батя придумал, - оправдание было не терпящим возражений и вопросов.

- И ты не спрашивал? Вы же друзья?

- Слишком много вопросов, мужик, - понизил тон Тимур. – Запомни, что бы тебе ни говорили о дружбе он и другие, ее здесь нет и не может быть, - с внезапной откровенностью заметил он. – Как и любви, и всех тех устаревших понятий, о которых ты по какой-то причине еще помнишь.

- Но вы же большая семья? – не укладывалось в голове у Григория. Лидер вещал об одном, а верный последователь уверяет в обратном?

- Семья, - с неоднозначным блеском в глазах кивнул Тимур и ушел типично офицерской, размашистой походкой восвояси.

Гриша почесал подбородок. Ох и не раз аукнется ему решение остаться.

Он зашел в юрту. Как ни странно, аскетичная обстановка совпадала с той, что у Марата. Кровать только поменьше, а вместо ковра был половик. И на голом полу у стола Григорий заметил ручку. Настоящую, шариковую. Он ее тут же поднял и решил отдать Павлову при случае. С новым миром ручки, как и многое привычное в быту, оказались в дефиците, и такая потеря может сильно расстроить инженера. Было подозрение, что он все же не просто болтал, а действительно над чем-то работал. Грустно стало Григорию. Он бросил тоскливый взгляд на кровать – Гриша спокойно бы отдал ее инженеру, ему самому мысль о том, что будет ночевать не в лесу, не в случайном шалаше, а на полноценной кровати с постеленным бельем, была даже абсурдна, сказочно нереальна. Годы скитания научили Григория обходиться и без этого малого комфорта.

Гриша положил на кровать лук – самое дорогое, что у него есть, а сам сел на деревянный, ничем не обработанный стул. Твердый, пахнущий лесом, но для него куда удобный и привычный, нежели мягкая перина, и, несомненно, лучше, чем пенек. Содержимое вещмешка он выложил у себя на столе. В нем, помимо десятка стрел, была книга в твердом переплете, но довольно старого, ветхого издания, требующая особого ухода. Так что завернута она была в тряпицу. Кроме того, у Григория имелся свитер ручной вязки, чудом оставшийся в относительной целостности, подаренный ему матерью много лет назад. Его, по столь особому случаю, как выход «в свет» на ужин, Гриша и собирался надеть. У него также сохранились расческа и потрескавшееся в нескольких местах зеркало в футляре. Так что он сумел немного привести в порядок свои длинные лохмы и пушистую бороду, которая его согревала, хотя порой изрядно надоедала. Лишних волос когда-то Гриша терпеть не мог, часто бреясь, но теперь уж деваться было некуда – за гигиеной следили от случая к случаю. Бритвы он, как и большинство людей, не приберег. А использовать подручные средства надобности не видел.

Так и просидел Григорий, заклевав носом и уронив голову в свою нелюбимую бороду, перед ворохом того последнего, материального, что связывало его с реальностью и напоминало о том, что он все еще жив. Разбудили Гришу чьи-то шаги. Чуткий слух выработался в извечном блуждании в лесах и пока, не в пример зрению, ни разу не подводил его.

Григорий резко распахнул глаза, чем напугал схватившуюся за сердце женщину, застывшую возле него с одеялом наготове.

Он протер глаза и убедился, что перед ним не женщина, а совсем юная дева, прекрасная. Нежная, чистая, свежая, как сама весна. Весна, какой она была в прошлом – цветущая, с приятными доносящимися ароматами. Сама девушка в силу возраста едва ли помнила тот другой мир и не понимала своего великолепия в полной мере. Впрочем, ей и забывать ничего не пришлось, в чем тоже был источник ее непорочной красоты. Пусть и в простом, залатанном сером платье и накинутом поверх изношенном пальто с плешью, теплых плотных коричневых колготах и стоптанных сапогах, а выглядела она как неземная, выше всего материального, к чему по привычке стремился человек старше нее.

Она шагнула назад, неловко потупив взор. Григорий пробудился теперь уже от грез и проявил гостеприимство:

- Вы не стойте, присаживайтесь, раз уж зашли.

Так и пятясь назад, она набрела на второй стул и неуклюже брякнулась на него, сжимая одеяло. Гриша бросил взгляд на кровать – лук был перемещен на пол. Это немного покорило его чувства, но срываться на девушке он не стал.

- Я пришла позвать вас на ужин. Почти все готово, - заговорила она тихим, но внятным голосом.

- Как зовут вас, юное создание? – ему все не верилось, что она – с той, что и он планеты. Такой красоты, казалось, сохраниться просто не могло.

- Мария, - порозовела она, окончательно смутившись.

- Я – Григорий. Маша, позвольте узнать, - тем не менее, внешность Марии не отвлекла Гришу от более волнительного для него вопроса. Он посчитал, что вместе с чистотой, что несла она своим обликом, в Маше есть и искренность, и сочувствие. – Куда отправили обитателя этой юрты?

- В церковь, конечно. Туда, где ему и место, - отозвалась Мария с пренебрежением, и весь трепет от нее пропал, развеялся.

- Но почему?

- Потому что разводил ложные идеи.

Григорий за свое скитальчество еще не встречал той точки зрения, по которой церковь – нечто вроде места для изгоев, отшельников, лоботрясов... Лучше бы ее просто не было, чем так. Он мог понять происхождение многих перемен и найти объяснение, но не для значения церкви. Неужели она и вправду стала ассоциацией с наказанием, ссылкой? Это потрясло Гришу до глубины души, и он утвердился в своем намерении посетить ее.

- Не сослужил практической пользы? – дополнил Григорий, мрачно ожидая ответа.

- Да, - не помедлила с ним Мария, твердо глядя скитальцу в глаза.